

История мировых войн

Соломенные волосы, торчащие из-под медного шлема. Завораживающий взгляд немигающих, похожих на старинные хрустальные протезы, глаз. Руки, усиленные мускулами из мешочков с песком; ноги, толщиной с хорошую дренажную трубу; заметный, но определенно функциональный в бою живот; огромные ступни, защищенные многокилограммовым слоем металла. Медные и бронзовые кольца, свинцовые пластины, вделанные в кольчугу в уязвимых местах, нервные квадратики железа...

— Это кто? — вжав голову в плечи, спросил Гоша.

— Сармат, — с гордостью ответил плешивый и щуплый Олег Степанович. Он здесь, на кафедре истории, как Гоша понимал, был за самого главного. Может, лаборант, а может и профессор. Как ни зайдешь — или пыль с антресолей стирает, или стучит узловатыми пальцами по клавиатуре цвета слежавшегося снега.

— Сармат, значит... — повторил аспирант, и, если б мог, то потер бы в задумчивости подбородок.

Сармат Гоше не понравился. Сразу. С первого взгляда. У Гоши внутри все похолодело, к щекам прилила кровь, захотелось бросить коробку и вмазать сармату по единственной незащищенной части тела. Но Гоша не мог этого сделать по той же самой причине, по которой не мог потерять подбородок.

— Осторожно, тут линолеум отклеился... Не запнитесь... Так, поверните... — физически не помогающий, а лишь командно-административно мешающий Олег Степанович на секунду задумался. Он встал посреди захламленного кабинета, подобно Ленину в революционном Петрограде, и стал соображать, как дальше выполнять свою большевистскую программу «максимум». — Прямо перед вами стол. Чтобы не перепрокинуться, поверните ровно на два часа!

Гоша повернул с припуском. На целых два с половиной, почти на три. Так чтобы наверняка обогнуть препятствие. Нежно прижимаясь к коробке левой щекой, он ничего, кроме сармата и нарисованной на картоне

рюмочки с пояснительной надписью «Осторожно, стекло!», не видел. Покорно, под весом ноши, засеменял вперед, обиженно взвыл, задев бедром угол древесностружечного лакированного рифа и остановился, чувствуя, как немеет нога.

— Долго еще?

— Вы почти на месте! — радостно ответил Олег Степанович. — На одиннадцать часов сделайте два шага и медленно опускайте. Нет, нет, еще ма-аленький такой шажочек. Микро. Вам, наверное, так понятнее, вы же физик...

Гоша только вздохнул и, наконец, опустил запечатанное устройство на одну из двух таких же коробок. Внутри ящика что-то звякнуло.

— А работать будет? — поинтересовался Олег Степанович.

— Если собрать, то должно... — ответил Гоша.

— Так давайте собирать! Чем быстрее закончим, тем раньше будем дома.

Нет чтобы принести из буфета булочку или угостить подогретым на электроплитке борщом из банки... Хотя, если судить по стужающимся сумеркам за окнами кабинета, из буфета уже выметено все до крошки, а содержимое пол-литровой банки с борщом стало историей.

Смирившись с судьбой, Гоша подстелил под колени какую-то распечатку и начал вытаскивать из коробок детали Хроновоза. Той самой машины времени, о которой уже два месяца шептались студенты в заполненных табачным дымом туалетах. Все знали, что в шестнадцатой лаборатории физфака имеется временной агрегат в полной готовности. У какого-то заочника даже хватило наглости использовать Хроновоз для трех подходов к столу с экзаменационными билетами. Подумать только: ради «уда» в зачетке трижды гонять сложнейшую высокоточную технику, на которую всего две недели назад оформили техническую документацию, а патентовать собираются лишь послезавтра... Чтобы машина в сохранности дождалась патента, пришлось ее под покровом позднего вечера тащить на кафедру истории.

Угадайте, кому была поручена эта секретная операция?..

Гоша вздохнул, примеряясь отверткой к шурупчику. Шуруп выскальзывал из рук, словно был червячком, по ошибке заползшим в хромирующую камеру. После нескольких неудачных попыток вернуть мастера мимикрии, Гоша выронил его из рук. Червячок спрыгнул на пол и замер, прикидываясь мертвым. Намагнитить отвертку, чтобы сама шурупы держала? Нет, нельзя. Строго запрещено. Электроника Хроновоза чертовски чувствительна к магнитным полям. Как верблюд. Говорят, что верблюды свои маршруты в пустынях прокладывают именно там, где минимальна напряженность магнитного поля.

Гоша опять вздохнул — и вдруг поймал себя на мысли, что зачастил со вздохами. Такая же мысль посетила и чуткого Олега Степановича, который начал успокаивать Гошу.

— Не переживайте, — сказал он. — Машина здесь будет в полном порядке. Никто не додумается искать ее на кафедре истории. Вы же знаете, как наши студенты любят историю!

И не только студенты, подумал Гоша. А вслух, желая угодить Олегу Степановичу, сказал:

— Это не потому, что историю не любят. Она, правда, очень интересная. Просто все боится... — он кивнул в сторону металлопластикового манекена в дальнем углу. — Сармата.

Сармат, как показалось Гоше, угрожающе блеснул в его сторону хрустальным глазом.

— О да! Его кто хочешь испугается, ха-ха... — Угодил, называется. — А как сарматов боялся заезжий, всяк от эльица до нормана! Между прочим, поселение сарматов нашли, когда закладывали фундамент этого университета, — Олег Степанович отвлекся, наблюдая, как Гоша извлекает из коробки серебристую пружину и ловко прилаживает ее к разрастающейся конструкции. — А знаете, почему их зовут сарматами?

Даже если Гоша сейчас промолчит, ему все равно впарят историю происхождения противного имени...

— Почему?

— В работах римских историков имеется несколько упоминаний об этих воинственных кочевниках. Эти племена, как и скифы, пришли в причерноморские земли из Ирана. Но, в отличие от скифов, у которых кишка оказалась тонка противостоять кельтскому и готскому нашествию во втором веке, сарматы быстренько навели в степях порядок. Пусть не такие уж они были культурные, но... — Олег Степанович закатил глаза. — В латах, с ног до головы увешанные оружием, зашитые в кольчуги и звенящие как... Как ведро с гвоздями! Слово «сармат», как и «арматура», происходит от латинского слова «арматоре», «вооруженный». Чувствуете сходство? До зубов вооруженные полчища сарматов две тысячи лет назад показали кузькину мать заезжим варварам, пусть и была эта мать у них общей со скифами. Читай, митохондриальной! Хотя, если верить теории Тредьяковского, слово «сармат» пришло к нам из Заволжских земель, что наводит на мысль о перемещении... перемещении...

Олег Степанович на глазах съезжался, превращаясь в детекторный радиоприемник с телефонным динамиком, вещающий негромко и неназойливо. Приемник лопотал голосами министров, никому не известных деятелей культуры, синопитиков с устаревшей техникой предсказания погоды, олимпийских чемпионов 72-го года и их заслуженных тренеров. Когда пошли статические помехи, Гоша понял, что средоточие историографии прикорнуло на стульчике и мирно сопит. А через десять минут Хроновоз уже был собран и приветливо подмигивал лампочками, сообщая, что все разъемы вставлены правильно, и Гоше пора отправляться домой.

Вот только отряхнуть с курточки пыль, забрать заветный конверт и занести ключи сторожу...

— А прибор разве не проверите? — прозвучал в спину крадущемуся к двери аспиранту голос из нащупавшего эфир радиоприемника.

— Олег Степанович! — взмолился Гоша, чуть не плача.

— Ну, вы быстренько покажите, как что... и можете восвояси, — подзадорил его проворный старикашка. — Все-таки не ведро с гвоздями, а машина времени...

По пути к Хроновозу, кабинке из оргстекла и алюминия, Гоша незаметно лягнул коварный стол-риф. От сатисфакции аспиранту немедленно полегчало. Гоша зашел в кабинку, постучал по клавишам и обрадовал Олега Степановича:

— На Октябрьскую революцию, к сожалению, посмотреть не сможем. Так далеко наш Хроновоз не возит.

— Ах, как жаль... — по глазам было видно: на randеву историк и надеялся. — А на что сможем?

— Ну, на вчерашний день, на позавчерашний... Ой, нет... Я не назначал в эти дни ни одной точки сохранения! В общем, единственное место, куда мы можем прокатиться на Хроновозе, это — будущее.

— Будущее? — переспросил Олег Степанович. — Замечательно!

— Будьте готовы к тому, что я на некоторое время исчезну. Так надо. Точнее, без этого никак. Или даже — именно так и выглядит путешествие в будущее.

Олег Степанович всплеснул руками и затаил дыхание. А Гоша нажал кнопку с такой небрежностью, словно включал не самое претенциозное изобретение, а электрочайник ветнамского производства. Потом развернулся, и вышел из кабинки.

— Надеюсь, вам понравилось! Желаю самого наилучшего!

И быстрым шагом устремился к выходу.

— Все? — пришибленно спросил Олег Степанович. — Но вы не исчезали! Вы, наверное, вообще машину не запускали!

— Вы не правы! — крикнул аспирант через плечо, даже не утруждаясь повернуться. — Я перенесся в будущее ровно на одну тысячную секунды. Это очень маленький прыжок. Человеческий глаз не способен уловить столь кратковременное изменение...

Шагая по темному коридору университета, Гоша думал, на что потра-

тит содержимое бумажного конверта. Спускаясь по лестнице, он уже составил план расходов, точный до последней копейки.

Ботинки вязли в ноздреватом и слоеном, как пирожное, снегу по самую меховую опушку. И чавкали. Да так аппетитно! Гоша прошагал мимо булочной и приютившегося около нее хлебного киоска с видом человека, который может позволить купить себе всю имеющуюся в наличии сдобу, включая нашпигованные чесноком пампушки, острые и пряные хлебцы, французские булочки и болгарские батоны и съест все за один присест. Гоша непременно б так и поступил, если бы не строгий режим экономии и не позднее время — после семи часов вечера обнаружить что-нибудь, кроме сухек, на полках этих диплоидных магазинов было невозможно.

Перебежав дорогу, Гоша свернул в подворотню. Он не сразу заметил стоящую под дверью своего подъезда группу. Только когда подошел ближе, увидел абрисы темных фигур в облачках пара. Подогретые уже... Гоша замедлил шаг, сунул руки поглубже в карманы, и, не глядя в сторону незнакомцев, потопал к двери подъезда.

— Не будет закурить? — спросил нахохлившийся капушон.

Гоша, обернувшись с самым доброжелательным видом, сказал:

— Не курю...

— Чо, совсем? Даже не пробовал?

Тут Гоша впервые взглянул в лицо говорящего и понял: попал. Узкий лоб, сломанный нос, черная шапочка, тупые глаза и прыщавый подбородок. Типичный гопник. Самое страшное существо, которое можно встретить на ночных улицах. А когда их много... Да, Гоша действительно попал.

— Да почему же... — реплика «на автомате». — Пробовал, не понравилась...

Гоша затравленно оглянулся, но, как назло, никого из нормальных людей поблизости не оказалось.

— Купи нам сигарет, слышишь, — из темноты выступил еще один, с чер-

ными щелями между кривых зубов, в каждую из которых можно было вставить спичку. — Вот таких...

Он сунул Гоше под нос помятую пачку в целлофановой обертке.

— Дорогие? — зачем-то спросил Гоша.

— Обычные, — пожал плечами тот, что со спичками между зубов. — Ну чо, покупаешь?

— А мы тебя домой пропустим... — сказал кто-то третий.

Сколько же их, ужаснулся аспирант. Четверо? Пятеро?

Гоша полез в карман и тут же одернул себя: что он делает? Дает им понять, что у него в правом кармане... Ничего там нет! Ровным счетом ничего! Особенно — конверта...

На улице было градуса три, но Гоша вспотел.

— Ну? — поторопил индивид со спичками.

— Ты чо, непонятливый? Деньги гони! — тьма разошлась в стороны, и на сцену вышел четвертый.

— Ты вообще откуда будешь? Ты чей вообще?

— Я здесь живу... Нет, — Гошу замутило. — Я сюда пришел, у меня здесь дядя...

— Ты чо, школьник, да?

— Аспирант... — Гоша тут же понял: зря он представился аспирантом. И окончательно потерял надежду.

— Что за хрень вообще? Ас... Апи...

— Я в университете работаю...

— Тогда гони зарплату.

— Зарплату? — Мир пошатнулся. — Да это...

— Ты руки из карманов вытащи, да? Мы тебя ша вообще ногами запишем, но тут прямо...

— Зарплату гони! Те чо, тыкву красить, да? Спиртант, да?

— Не надо!

— Тогда бабки гони! И руки вытащи...

Перед носом снова мелькнула помятая пачка.

— Ты здесь живешь, да? Ты чо тупой вообще?

— Руки вытащи, я сказал!

— Ребята, ну что вы...

Руки Гоши безвольно выпали из карманов. Потом одна из них распоролась с бумажным конвертом, а сам конверт секунду спустя уже открывал один из гопников, самый высокий. Его пороссячи глазки бегали из стороны в сторону.

— Ну, ты, мужик... Ну, ты вообще... Спасибо, да! Ну, ты прямо... су-пер!

Кто-то из гопников сунул Гоше пачку сигарет, и через пятнадцать секунд ни грабителей, ни денег в подворотне не было. Там был только Гоша, который запоздало осознал... Нет, еще не осознал. Он вздохнул с облегчением: «Жив!» — поднялся на третий этаж, открыл дверь, вытер ноги, глянул в зеркало, тупо улыбнулся, выбросил пачку, словно она была до отказа набита пожеванными зубочистками... И лишь тогда запоздало осознал: только что он отдал всю свою месячную зарплату.

Без боя. Без сопротивления. Сам! Собственными руками отдал...

Стоило Гоше закрыть за собой дверь и сделать несколько шагов, как он нос к носу столкнулся с сарматом. Древний воин прищурился, проникая гипнотическим взглядом в сознание аспиранта, прочел лежащие на поверхности мысли и медленно покачал головой. В его хрустальных глазах зажглась первобытная ненависть. Бежать с поля битвы — немислимо! Умри в бою, как настоящий мужчина! Рука манекена, вся в буграх от бутфорских мешочков, потянулась к булатному мечу...

— Полегче! — остановил его Гоша. — Ты тут вообще на правах анахронизма.

Сармат неохотно вернулся в исходное положение. Хрустальные глаза агрессивно поблескивали.

— Кто здесь? — Олег Степанович с тряпкой в руке выглянул из-за книжного шкафа. — А, это вы... Рановато вы сегодня... Чем обязан?

«У меня украли деньги. Всю месячную зарплату. И, чтобы ее вернуть, я хочу воспользоваться Хроновозом!»

Вслух Гоша, как обычно, сказал другое:

— Вы извините, что я вчера так бесцеремонно сбежал. Просто... Ну, просто...

— Раскаиваетесь? Это хорошо... — одобрил Олег Степанович. — Так что — в Петроград?

Гоша вздрогнул. Так далеко Хроновоз не забрасывал. Да и вряд ли кого-то могла прельстить идея оказаться в незнакомом времени без надежды на возвращение. Ведь точки сохранения там не назначены. А без них — не вернешься...

— В декабрь... — секундная заминка, — тысяча девятьсот... — вещал Гоша, как ему казалось, вполне невозмутимо, — четырнадцатого!

— Како-ого? — возмущенно переспросил Олег Степанович, который, как любой канонический историк, терпеть не мог искажения общеизвестных дат. — Тысяча девятьсот семнадцатого! В четырнадцатом Ильич даже шалаш не успел построить...

— Ну, я с запасом, — Гоша улыбнулся и бочком прополз к машине. — Чтоб уж наверняка... Билеты на поезд... то есть, паровоз — купить... До Петербурга вас никто даром не провезет. Кстати, вы запаслись деньгами? Ну, ходовой валютой того времени?

Гоша почему-то не сомневался, что историк сейчас начнет рыться в ящиках стола и вместо обычных, без проблем уместящихся в конверт и чужой карман (у-ух!) купюр, достанет потертые облигации, больше напоминающие ваучеры «МММ». И, действительно, плешивая голова Олега Степановича скрылась в недрах одного из секретеров, наверняка таящего множество секретов.

Пока профессор копался в своих богатствах, аспирант с дипломом физика настроил электронику Хроновоза на вчерашний день и незаметно... Ой, курточку надо снять, а то — что это получится? Парадокс!

В общем, снял Гоша курточку и совершил скачок.

Олег Степанович, в лучших традициях японских фильмов ужасов, рывком переместился к кабинке Хроновоза, а в помещении заметно посветлело. Почему так светло, Гоша сначала

ла не понял. А потом посмотрел на желтые потолочные плафоны и плюшевые шторы, не дающие зловещей темноте зимнего вечера проникнуть в помещение, и ему все стало ясно.

— Ну и как там — в будущем? — злорадно, как показалось Гоше, спросил Олег Степанович.

— Бывает и лучше, — отвечивал Гоша. Потом добавил оптимистично: — Будет лучше!

И зашагал в сторону выхода.

— Погодите! — попытался остановить его Олег Степанович. — Вы же...

— Я все продемонстрировал! — огрызнулся Гоша. — Хотели, чтобы я прокатился в будущее, так вот — я прокатился...

— Нет, я не поэтому, — профессор чем-то зашуршал. — Вы конверт какой-то оставили... И курточка на вешалке висит. Или вы еще не уходите?

Гошу на секунду посетила мысль: что если оставить деньги на сохранение Олегу Степановичу? Он подумал о потрепанных облигациях, возможно, спрятанных в секретере и лежащих там целое столетие. Ведь их туда кто-то положил, надеясь позже забрать, но так и не забрал... Гоша мотнул головой:

— Ухожу.

— Но ваше исчезновение...

— Так. Я перенесся на одну... миллионную секунды. Заметить это глаз не способен.

— Какой глаз? — не понял Олег Степанович.

Гоша покосился на немигающего сармата.

— Человеческий.

Он забрал деньги, накинул курточку, сбежал вниз по лестнице, занес сторожу ключи и вышел на улицу.

Ботинки снова зачавкали по мокрому снегу. Но чавкали уже не аппетитно, а пресыщенно — Гоша совсем недавно завтракал. На часах было полседьмого, но не утра. Вечера. То есть, осталось двенадцать часов до его отправления в прошлое. И полчаса до происшествия.

По пути домой Гоша забежал в оружейный магазин. К счастью, тот работал до девяти — на сумерки пола-

гался и предприниматель, расписывая свой график.

На стеклянных полках лежали стволы. Гоше никогда в жизни не приходилось лицезреть столько разнообразного оружия. Конечно, он видел его в руках героев и злодеев американских боевиков, но чтобы так — в одном месте... Несмотря на то, что многие из этих поблескивающих холодной сталью монстров принадлежали к классу газовых и газово-дробовых, выглядели они внушительно. Стоили — тоже.

Вздохнув, Гоша грустно посмотрел на продавца с ежиком седых волос.

— Дайте газовый баллончик.

— Какой? «Черемуху»? «Терен»?

— «Терен!» — выбрал Гоша. Он всегда покупал моющие средства с ароматизаторами: лимон, яблоко. Первое дикорастущее растение, предложенное продавцом, доверия не внушало. А вот «терен»... Даже название было колючим.

— Знаете, как пользоваться?

— Там кнопка должна быть...

Продавец улыбнулся:

— Против ветра не распыляйте. Держите на вытянутой руке. Перед применением взболтните, — Гоша кивнул. А продавец уточнил на всякий случай: — За вами гонятся?

— Подкарауливают... Спасибо. — Гоша расплатился и вышел на улицу.

Это еще кто кого подкарауливает, подумал он. И вдруг ощутил странную уверенность. Она, вместе с холодом сжатого газа, исходила от тяжелого цилиндра в кармане. Разливалась по пальцам, наполняла его силой, делала походку упругой, а взгляд осмысленным и гордым. Вот, наверное, что чувствовал доисторический варвар, сжимаемая в руке верный меч.

Гоша больше не боялся. Он представил, как поганые хулиганы корчатся во взвеси слезоточивого газа, хватаются за обожженные глаза и режут во все свои тридцать щелей между зубами...

В приподнятом настроении Гоша дочавкал до диплоидных хлебных магазинов. Сбавил шаг. Перешел дорогу и заглянул в подворотню.

Там никого не было. Никаких чер-

ных абрисов. Путь к подъезду был чист.

Радуюсь, что не придется никого обезвреживать, Гоша побежал к стальной двери. Притормозил, завозился с ключами...

И услышал голос за спиной:

— Не будет закурить?

Вот и все.

Гоша медленно повернулся. Откуда они взялись? Как и вчера, гопники появлялись из темноты. Короткие ноги в спортивных штанах, натянутые на глаза шапочки, недобрые ухмылки...

— Не курю, берегу здоровье.

— Ты чо — умник, да? — сценарий изменился, и хулиганы перешли в наступление.

— Пожалуй, — Гоша еще держался, но смелость его выдыхалась.

— Бабки гони...

— И сигареты купи, вот такие... — перед носом мелькнула знакомая пачка.

Гоша спрятал руки в карманы. Сжал заветный баллончик. Большой палец удобно лег в ложбинку на «курке».

— Не буду покупать, — сказал Гоша.

— Умный, да? Ты вообще откуда? Ты кто вообще?

— Руки вытащи, я сказал!

— И бабки гони...

Вот чем они берут: количеством. Рубленными и понятными фразами. И давлением. А так они совсем нестранные — гопники, как гопники. Ничего они тебе не сделают, если ты вовремя примешь меры.

— Ладно, — Гоша пожал плечами. Выдернул руку из кармана и нажал кнопку.

Баллончик зашипел, источая слезоточивую аэрозоль. Гопники, попавшие в область распыления пронзительно закричали и схватились за обожженные глаза. А потом...

Гоша так и не понял, как его средство самообороны оказалось в руке противника, и в какой момент оно превратилось в оружие нападения. Зажгло в глазах, во рту, в горле, в носу... В бронхах застряла сухая верблюжья колючка, мешающая легким сделать

выдох... Через несколько секунд Гоша понял, что его повалили на землю и бьют. Бьют с усердием. Ногами.

Видимо, в какой-то момент из кармана курточки вывалился конверт с деньгами. Удары прекратились. Провалившись минут двадцать в полной беспомощности, Гоша протер снегом онемевшее и одновременно зудящее лицо. Разглядев в снежных комках собственную кровь, с утробным хрипом вздохнул. Да и как тут не вздохнуть? Его чуть не убили перед подъездом собственного дома. Дважды.

Первым делом, подумал он, нужно постирать курточку. Она, наверное, вся в грязи. Завтра утром опять идти в университет к Олегу Степановичу...

Зря он вчера отдал сторожу ключи... Гошин непрезентабельный вид вызывал недоверие: хорошо хоть в университет пропустили... Ладно, у него имелся план, как добыть ключи от склада.

Сармат стоял на привычном месте. Увидев лицо Гоши, покрытое ссадинами и кровоподтеками, потянулся к мечу. Гоша пресек его намерение, изо всех сил пнув воина в подъем ноги. В то место, которое не было защищено латами. Немигающие хрустальные глаза варвара округлились, из-под шлема посыпалась солома, сармат зашатался, пытаясь сохранить равновесие. Гоша добавил воину кулаком между нахальных глаз.

— Кто здесь? — Олег Степанович оторвался от клавиатуры. Заметив Гошу, коротко вскрикнул. Потом справился с эмоциями и спросил: — Это вы?.. Кто же вас так?.. Я имею в виду, что с вашим лицом?

— Перепрокинулся, — сопя, сказал Гоша. И осторожно шагнул через язык отклеившегося линолеума.

— Через что?..

— Через ведро с гвоздями, — Любезничать, как вчера, у Гоши не было ни малейшего желания. Он сразу направился к машине.

— Что вы собираетесь делать? — в голосе Олега Степановича звучало подозрение.

— Отправлюсь в прошлое.

— Зачем?

- Изменю его немного.
- Но ведь нельзя! Парадоксы...
- Да мне только ключи забрать...

Гоша быстро настроил аппаратуру и отправился во вчерашнюю точку сохранения.

Олег Степанович, тот, что жаждал попасть в Петроград, закричал. Его можно было понять. Еще секунду... нет, тысячную долю секунды назад профессор видел обычное, чисто выбритое лицо Гоши, и вдруг это нормальное человеческое лицо превратилось в итальянскую пиццу с разноцветными ингредиентами.

— Нет! — Олег Степанович поя-

тился назад. — Вы плохо выглядите! Идите домой! Я вас отпускаю. Заберите свой конверт и идите домой! Выспитесь... Какой кошмар. Вы видели себя в зеркале?..

Гоша, не обращая внимания на его крики, подошел к бюро и взял ключи. Конверт с деньгами не тронул. Вдруг, действительно начнутся парадоксы?

Хлопнула дверь. Гоша оглянулся: в кабинете он остался один. Может быть, у профессора сдали нервы, и он решил двинуть домой, от греха подальше? Или, как честный человек, решивший, что из-за его прихоти и плохо настроенной аппаратуры трав-

мирован аспирант, Олег Степанович ринулся звонить в милицию, скорую, будить охранника и обеспечивать Гоше охрану для безопасности?

Гоше не нужна была безопасность. Он планировал месть.

В этом варианте «вчера» ему уже нечего было ловить.

Аспирант шагнул в Хроновоз и перенесся в будущее, в утреннюю точку.

— Забрали? — поинтересовался «утренний», спокойный Олег Степанович.

Гоша позвенел ключами в высоко поднятой руке.

— Позвольте поинтересоваться...

— Я их потерял, — соврал Гоша. — Ну, когда перепрокинулся.

— И вы решили отправиться назад, чтобы... — Олег Степанович, истинный историк, вошел в раж и пытался реконструировать последовательность запутанных событий.

— Вы абсолютно правы! — радостно провозгласил Гоша и похромал к двери, возле которой стоял, перекосившись, недовольный варвар.

В коридорах университета появились люди, и Гоше пришлось поторопиться. В его состоянии это было сложно: все тело ныло и требовало немедленной медицинской помощи... Превозмогая боль, Гоша таки добрался до противоположного крыла корпуса и открыл тяжелую дверь склада шестнадцатой лаборатории. Да, это о ней шептались в задымленных туалетах: «Вы знаете, в шестнадцатой хранятся все перспективные разработки университета!..»

Запершись изнутри, Гоша включил свет. Так-так... Вчера (или не вчера?) он видел здесь магнитный молот. Чертовски полезная штука, если ее правильно применять!

Молот, громоздкая конструкция из стальных скоб, напоминающая оружие будущего из научно-фантастических фильмов, лежал на одном из дальних столов, посреди полуразобранных опытных образцов и экспериментальных аккумуляторов. Гоша осторожно поднял устройство, взявшись одной рукой за приклад, а второй — за массивный ствол. Вес моло-

та сразу придал ему уверенности. Что там — газовый баллончик! Что — пистолет! Вот оно — оружие! И пусть его создавали лишь для обыкновенных монтажных работ...

Выходя, Гоша прихватил подвернувшуюся под руку металлическую банку. Думал, шутки ради, использовать ее под гвозди вместо излюбленного метафорического ведра Олега Степановича, но на подобные шалости уже не оставалось времени.

В коридоре он поставил банку на табурет и отошел на пару десятков метров, посчитав это расстояние достаточно безопасным. Чтобы подстраховаться, сделал еще три шага. Включил тумблер. Пушка зарокотала, ее ствол несколько раз дернулся, словно нос щенка, по ошибке заползшего в... в... какую там камеру?

Взяв цель на мушку, надавил курок.

Банка беззвучно исчезла. Через секунду, расплюснутая, она звенела и дребезжала на противоположном конце коридора, рикошета от стен и танцуя на полу. Заспанный студент, неосторожно выглянувший из-за угла, в ужасе спрятался обратно.

Работает, заключил Гоша.

И хорошо работает! Хватило же ему осторожности не вытащить ведро... Магнитное поле молота устроило бы такую гвоздевую турбулентность, что ни в чем не повинного студента еще долго бы отковыривали от стенки. И аспиранта, наверное, тоже...

Гоша посмотрел на часы. Если его застанут с устройством в руках — не отвертеться. Полетит из университета, как... как эта банка по коридору! С молотом под мышкой Гоша заторопился на кафедру к Олегу Степановичу.

От удара прикладом в живот сармат сложился вдвое.

— Что вы делаете? — возмутился историк, бросаясь на помощь воину. — Это же ценнейший экспонат!

Тут он заметил Гошину ношу.

— А это что такое?

— Как вам сказать... — промычал аспирант, пробираясь через баррикады фурнитуры к Хроновозу.

— Это оружие?

— Да какое оружие... — отмахнулся Гоша свободной рукой.

— Оружие! — настаивал Олег Степанович. — Вы хотите отомстить! Вас избили на подступах к собственному дому, и вы мечтаете отомстить обидчикам! Но не просто отомстить, а — во времени! Стойте, где стоите, молодой человек: вы совершаете преступление против истории! История такого отношения к себе не простит!

Гоша уже протиснулся в кабину Хроновоза и готовился совершить временной скачок. Пусть Олег Степанович бежит в милицию, скорую, к охраннику, извлекает из недр секретера наган или «ТТ» ему все равно не успеть за Хроновозом. Ха-ха!

А Гоша успеет сделать все, что надо. Магнитный молот дрожал в руках аспиранта. Гоша представлял, как невидимая сила далеко уносит гопника с ножом в руке, вот летит в сторону второй, с украденной серебряной зажигалкой в кармане... Молот дрожал в его руках. Магнитный молот.

Магнитный!

Гоша с опозданием понял, что кнопка, приводящая в действие Хроновоз, уже нажата. По панели и деталям машины времени огненной вереницей забегали искры. Как он мог забыть? Ведь электроника аппарата реагирует на воздействие мощных магнитных полей! Аспирант попытался выбраться из Хроновоза, но ему мешал застрявший в тесной кабинке молот.

А искры тем временем бегали все быстрее.

Гоша шурился от яркого света. Теория равновесия, он отступил на шаг, коснувшись спиной чего-то мягкого и упругого. Вытянул назад руку. Солома. Много соломы. Целый сноп.

Когда глаза адаптировались, Гоша понял, что стоит посреди открытого поля под жгучим белым небом, а вокруг — ничего, лишь кое-где валяются снопы.

— Жарко... — вздохнул Гоша и снял куртку.

Он попытался обдумать ситуацию. Жара и стога свежесрезанной соломы недвусмысленно намекали на то, что

сейчас — лето. А лето — это антипод зимы, из которой только что стартовал Гоша. Горячо стартовал, ничего не скажешь...

Боясь расплавиться, Гоша стянул и свитер, оставшись в прозрачной сетчатой маечке.

Так. Антипод зимы — это, как минимум, пять-шесть месяцев назад. Пять месяцев! Его забросило так далеко!..

Уже через минуту Гоша понял, что пять месяцев — это при самом оптимистическом подсчёте. Хотелось бы, чтобы это были только пять месяцев, потому что Хроновоз, блуждая по Каракумам времени, мог переместить его и на два года и пять месяцев, и на десять лет и пять месяцев, и на (только не это!) сто лет и пять месяцев назад!

Ужаснее всего было то, что Гоша знал — Хроновоз не перевозит в пространстве! Не зря он намекал Олегу Степановичу, чтобы профессор запасся валютой, имеющей хождение в соответствующем времени, для покупки железнодорожных билетов. Если отправляешься в путешествие из университета — то в университет и прибудешь. Сейчас аспирант не видел ни универа, ни примыкающих построек — ничего, кроме поля и снопов на его гладко выбритой поверхности. А ведь Гошиной «альма-матер» было уже более сотни лет.

Гоша еще только начинал серьезно паниковать, когда услышал голоса за стогом. Он осторожно обошел препятствие и выглянул из-за кучи пахучей соломы.

Картина была странная, но знакомая.

На поле неподвижными группами стояли люди. В каждой группе — один светлокочий человек, его обступают трое-четверо смуглых. Присмотревшись, Гоша заметил, что белые одеты в длинные льняные кафтаны, лица их симпатичны и покрыты золотистым загаром, а тщательно причесанные волосы собраны в замысловатые прически. Скифы... Вроде, и не варвары, и точно не иранцы... Смуглые же (Гоша не сомневался, что это сарматы)

были полной противоположностью скифам: коротконогие, небольшого роста, в грязных кожаных куртках с заклепками и натянутых на глаза кожаных же шапочках.

Скифы и сарматы о чем-то переговаривались. До аспиранта доносилось понятное и без перевода:

— Эй, ты! Да, я тебе говорю! У тебя соломки не найдется?

— Э-э-э... Какой соломки?

— Обычной! В зубах поковырять. Ты чо, тупой да? Обычной соломки! — наседал на скифа сармат. — Ты чьих будешь? Да ты откуда вообще, а?

— Я здесь... Живу...

— Да? Я тут тоже живу. Тогда почему я тебя не знаю?

— Ты чо, тупой вообще?

— Гони нам весь свой урожай! Нет, золото! А мы тебе домик не сожжем!..

Гоше потребовалось немного времени, чтобы сообразить, как далеко его забросил Хроновоз. На добрые пару тысяч лет назад! Прямоком к «чахленьким» скифам и воинственным сарматам, зашитым в доспехи и «наводящим порядок в степях»...

Аспирант расхохотался, спрятав лицо в солому — чтобы на смех не сбежались... Сарматы? Ему стало еще смешнее. Сарматы не были хорошо воору-

женными опытными воинами, как их изображали в исторических хрониках — они были обычными гопниками. Предками жалких хулиганов, подкарауливающих мирных граждан в темных подворотнях. А все разгромные набеги сарматов — это мелкое разводилово, страшное для тех, кого разводят, и не интересующее стороннего наблюдателя. Не интересующее, пока наблюдатель лично не заглянет в зубные щели доисторического ужаса...

«Арматоре»... Гошу осенило: историю мировых войн всегда делали хулиганы! Сидящих в Академ-роще греческих мыслителей обступают ранние римляне и начинают разводить «на бабки», а уже через пару столетий самих римлян, зазнавшихся и подружившихся с «умными» свитками, топчут ногами грязные и дурно пахнущие готские варвары. И так далее...

Всегда и везде.

И этому нельзя помешать?

Гоша вскинул магнитный молот и взял противников на мушку. Конечно, можно. Ведь история ничего не имеет против? А если возмущается историки...

Тогда мы отзовем историков в сторонку и хорошенько с ними ти-па-пах-ва-рим-да?

ОБ АВТОРЕ:

Дмитрий Тарабанов родился в 1984-м году в городе Николаеве. Учитя в Национальном Университете Кораблестроения на кафедре прикладной лингвистики, в свободное время занимается написанием прозы, публицистики и музыки. В 2005-м году выпустил дебютный музыкальный альбом в жанре нью-зйдж «А.С.Д.В.С.А.В.Г.».

В фантастике Тарабанов дебютировал в 2000-м году в местном журнале «Николаев» с рассказом «Операция «Рыбка-каскадер». С тех пор у автора вышло около 40 текстов в разных журналах, среди которых «Реальность фантастики», «Мир фантастики», журнал Бориса Стругацкого «Полдень, XXI век», «Игромания», «Порог», «Николаев», «Магия ПК», «Шалтай-Болтай», «Имена», и тематических сборниках «Путь в тысячу снов», «Право на пиво», «Николаевское небо». Дмитрий пишет в жанре социальной «твердой» фантастики.

Участник мастер-классов Н.Перумова, А.Громова, М. и С.Дяченко. В 2005-м году на конвенте «Портал» рассказ «История мировых войн», который мы публикуем, стал дипломантом мастер-класса Г.Прашкевича.